круг, сколь и находится в необходимой связи с другими областями» [1, т. 1, с. 31]. Как видно, Гегель утверждает одновременно и то, что целое и часть содержательно и структурно *тождественны*, и то, что они *различны* (целое вселенной, будучи «кругом», не находится «в необходимой связи с другими областями»). С этой особенностью гегелевской концепции «органической целостности» нам еще придется сталкиваться неоднократно.

Итак, поэтику Гегеля мы вправе рассматривать в качестве самостоятельного системного единства, учитывая в то же время, пользуясь выражением ее создателя, «предпосылки, лежащие за пределами нашего исследования». Тем более, что две проблемы, имеющие для эстетики у Гегеля фундаментальное значение, рассматриваются в рамках главы «Поэзия» того отдела третьей части «Лекций», где речь идет о романтических искусствах. Это проблемы поэтического образа и противостояния «поэзии» «прозе» в действительности и в человеческом сознании.

Описание и анализ поэтики Гегеля как *системы* — задача тем более актуальная, что с такой точки зрения глава «Поэзия» фактически специально еще не изучалась (к эстетике Гегеля в целом такой подход осуществлен в [2]). Что же касается категорий рода и жанра, то их особое значение в данном случае, по сравнению с делением на виды в других искусствах, Гегелем специально подчеркнуто: «... поэтическое искусство превращает различные способы художественного творчества вообще в свою особенную форму, и потому *основание* для разделения *поэтических видов* она черпает только из *общего* понятия художественного изображения» [1, т. 3, с. 419]. Не означает ли это, что род и жанр для Гегеля суть прежде всего универсальные типы художественного образа?

В дальнейшем мы увидим, насколько обосновано такое понимание. Пока стоит обратить внимание на то, что везде, где определенный род или жанр соотносятся с сущностью «художественного творчества вообще» или с «общим понятием художественного изображения», у Гегеля рассматривается либо эпос (эпопея), либо драма (особенно трагедия), но не лирика. Стало быть, возможно, что количество типов образа меньше, чем количество родов, не говоря уже о жанрах.

Подчеркнем: смысл отдельных суждений философа о литературных родах и важнейших — с его точки зрения — жанрах может быть адекватно и достаточно глубоко истолкован лишь в контексте системы идей, которую представляет собой поэтика Гегеля. При ином подходе глава «Поэзия» всегда рассыпалась на такие тезисы, часть которых легко могла быть использована для обоснования собственных теоретико-литературных построений того или иного литературоведа, тогда как другая часть оказывалась просто невостребованной. Отсюда, с одной стороны, широкая известность некоторых положений, превращенных многократным цитированием или пересказами чуть ли не в штампы, а с другой — практическая непрочитанность многих и многих мест гегелевского текста «вокруг» этих освоенных и исхоженных участков.

Решение поставленной нами задачи наталкивается на определенные методологические трудности. Дело в том, что научные системы, имеющие большое культурное значение, не строятся на чисто логической основе. Как правило, их смысловое «ядро» — более или менее явно *традиционная* «идея-*образ*». Определенный ряд научных систем такого типа представляет собой серию различных интерпретаций общей для них исходной идеи, которая благодаря своей двойственной природе способна к многообразному развертыванию и обогащению изначального смысла. В качестве очень наглядного примера укажем на идею «родового тела» у В. В. Розанова и М. М. Бахтина (см. [3]). Построенные на подобной основе научно-идеологические образования сочетают в своей структуре иерархическую упорядоченность входящих в них понятий по принципу «род — вид — подвид» и т. п. и прямую соотнесенность каждого из этих понятий с центральной идеей — как знака с означаемым; линейность и дискретность изложения сосуществуют в них со сквозной «лейтмотивной» связью и постоянными возвратами к проблемному ядру. (Ср. размышления о «символах-категориях» и об «иерархии